

ЖЕМЧУЖИНА РУССКОЙ СЦЕНЫ

Вы помните тургеневскую «Клару Милич»? Помните эту удивительную повесть о любви, явившейся к человеку после смерти женщины необыкновенной, странной и талантливой, о любви торжествующей, необъяснимой, которая сильнее всего на свете?

Многие современники узнали тогда в героине тургеневской повести певицу Кадмину, чья трагическая гибель потрясла тех, кто ее знал и любил, которая поразила и писателя. Евлалию Кадмину высоко ценил Николай Рубинштейн; Петр Ильич Чайковский был благодарен ей за первое исполнение партии Татьяны в «Евгении Онегине», ей посвятил он романс «Страшная минута». Лучшие оперные театры России считали за честь принять в свою труппу обладательницу дивного меццо-сопрано.

Прожив всего двадцать восемь лет, Кадмина трагически оборвала свою жизнь: она отравилась во время спектакля. Шестидней множество почитателей осаждало гостиницу, чтобы узнать о состоянии здоровья артистки, но врачи оказались бессильны...

Почти девяносто лет отделяют нас от тех дней, но трагедия Кадминой до сих пор воспринимается с глубокой болью, тем более нами, калужанами: она наша землячка.

В семье калужского нупца П. М. Кадмина в 1853 году родилась третья дочь — смуглая, черноглазая девочка. Ее мать была цыганка; до замужества пела в московском хоре, пока судьба не занесла ее с гастрольями в тихий городок на Оке. Тихие летние вечера, заокские голубые дали, запах жасмина и сирени на окраинах калужских улочек! Не здесь ли, в заокских деревнях, где жила летом семья Кадминых, полюбила девочка крестьянские песни, то печальные, то отчаянно веселые.

А затем Калуга уступила место московской суете, в которой прошло отрочество институтки Кадминой, уже тогда обратившей на себя внимание музыкальностью и чудесным голосом. Тот день, когда на институтском вечере на нее обратил внимание Николай Григорьевич Рубинштейн, открыл перед Евлалией путь в искусство, которому она отдала себя всю.

Трагическое впечатление у тех, кто ее знал, оставила эта необыкновенная девушка. Впоследствии А. В. Луначарский называет ее «кометой дивной красоты».

Выйдя из консерватории и став артисткой, Кадмина весь свой стихийный темперамент, всю свою отзывчивость пополам со вспыльчивостью, доброту пополам со взбалтываемостью принесла в сценическое искусство. Это определило ее судьбу.

Ей был уготован ранний и неожиданный для всех триумф, блистательное шествие в течение нескольких лет в лучших оперных театрах России. П. И. Чайковский, писавший об исполнении ею партии Вани («Иван Сусанин» Глинки), отмечал с удивлением и удовлетворением, что Кадмина особенно преуспела в «отношении глубоко художественного проникновения в мельчайшие подробности сценических и музыкальных свойств партии». А когда Кадмина блестяще выступила в роли Леся в «Снегурочке» Римского-Корсакова, — это было подлинным торжеством певицы, вчерашней девочки из тихого калужского особняка.

19-летняя девушка сразу стала гордостью

старейшего в стране Большого театра, одной из лучших его солисток. А ведь это была пора, когда продолжались восторги перед итальянской оперой и итальянскими певцами.

Можно представить себе, как трудно, сложно и мучительно проходила жизнь артистки, ставшей знаменитостью. Надо учесть, что репертуар русских опер был невелик, общая постановка дела в оперной труппе отмечалась крайней небрежностью, на драматическую сторону исполнения вообще не обращали внимания. У Кадминой, по сути дела, не было руководителя в творческих испытаниях.

Природа щедро одарила ее теплым по тембру и звучным голосом, редкой музыкальностью, выдающимся драматическим дарованием, прекрасной внешностью. Готова партии, она ни разу не повторилась, ни разу не позволила себе поддаться шаблону. Каждое выступление — вызов косности, каждый спектакль — протест против бездушного ремесленничества, каждая партия — победа и торжество русской национальной оперы.

Ранее ее торжество не было безоблачным. Кадмина, вообще обладавшая нелегким характером, плохо ладила с невежественным театральным начальством. А когда она, чуждая мелких закулисных интриг, встречала холодность и непонимание, ее охватывало гнетущее чувство одиночества; это было началом того конфликта, который так драматично кончился.

Между тем после триумфальных лет на Кадмину надвинулась беда — резкое ухудшение голоса. Артистка решила попробовать себя в сопрановых партиях, но совсем соответствующих диапазонов ее голоса. Она любила смелые художественные задачи, трудности ее только увлекали. Однако пение в верхнем регистре, хотя и было восторженно встречено публикой, пагубно повлияло на голосовой аппарат певицы. Сколько надо было иметь мужества и воли, чтобы ясно осознать всю опасность положения и не бросить сцену, а лишь сменить ее на драматическую! Это был, пожалуй, единственный в истории русского театра случай, когда выдающаяся оперная певица стала впоследствии талантливой актрисой драмы. Ее дебют в роли Офелии изумил всех.

Ей снова стало трудно: тоска по музыке была незаживающей раной, новая деятельность забирала много сил, хотя Кадмина удачно выступала в «Беспреданнице», «Украшении строптивой» и особенно в «Прозе» Островского. К беспокойному, нервному ритму жизни актрисы прибавились враждебные выпады против нее. Время, когда глушилось все прогрессивное и живое, сказалось и на судьбе актрисы.

О Евлалии Кадминой писали много. Тем более калужанам небезынтересно будет прочитать книгу Б. С. Яголяма «Комета дивной красоты», вышедшую в 1970 году в издательстве «Искусство».

Т. ПЫЖИКОВА.

ЗНАМЯ
К. Калуга

16 ЯН 1977
Шевц.